

18+

ГЕННАДИЙ ЛОГИНОВ

Брачный зов

Геннадий Логинов

Брачный зов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22817264

ISBN 9785448370786

Аннотация

Может ли гениальность быть оправданием низости? И разве игра становится менее значимой от того, что восторженная публика рукоплещет негодяю? Может ли эгоист нехотя приносить пользу обществу? Способен ли один правильный поступок искупить множество злодеяний, даже если и был совершён не из благородных мотивов? И есть ли смысл в гадкой от начала и до конца жизни, если проживающий её злодей обречён на вечные муки? Как знать...

Брачный зов

Геннадий Логинов

Мы не можем вырвать ни страницы из нашей жизни, хотя легко можем бросить в огонь саму книгу.

Жан-Поль Сартр

© Геннадий Логинов, 2020

ISBN 978-5-4483-7078-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Давно осознав тот известный факт, что за выдающиеся дарования даже и отпетому негодяю порой прощается очень многое, он настолько привык к этой данности, что не стеснялся ею злоупотреблять. Король сцены, из-за которого представление неоднократно прерывалось прямо посередине акта и не могло быть продолжено, пока зрители, купая своего кумира в океане оваций, аплодировали ему, стоя на протяжении многих минут. Его постоянно вызывали на бис, снова и снова прося исполнить хотя бы отрывок из арии, в котором во всей красе раскрывались его королевские ноты.

Он никогда не подходил к своим образам формально: изу-

чая историю и культуру региона, в котором разворачивалось действие той или иной постановки, личность и характер своего героя, он максимально вживался в роль и не просто пел, но играл и проживал каждую арию. Даже пропевая вокализы, он мог без единого слова вложить в звук всю боль, радость или печаль, взяв нужные аккорды на струнах зрительских душ.

Публика замирала, а женские сердца начинали биться всё чаще и чаще, когда он предстал перед ними в роскошном костюме и гриме и превращал своё дыхание в звук, совмещавший воедино всю грациозность и мощь его бесподобного голоса.

Актёрское дарование, позволявшее заплакать или рассмеяться одним лишь усилием воли, поражало и восхищало массы. Сценическая естественность, с которой он исполнял любое действие, использовал жесты и мимику или демонстрировал навыки фехтования, заставляла поверить в то, что он действительно живёт на сцене. Речь, всегда звучавшая столь убедительно и правдоподобно, как если бы его разум породил известные слова из оперных арий в текущий момент, а не воспроизводил в сотый раз давно изученный текст, трогала до глубины сердец. Всё в нём было на высоте, и каждый спектакль с его участием смотрелся как нечто настоящее: сначала было томительное ожидание, затем – чарующее послевкусие; но в процессе игры, которую зрителям хотелось наблюдать вечно, оживали и существовали собственной жиз-

ную герои, короли и вельможи, империи и царства. Всем казалось, что здесь и сейчас, пусть даже и недолгое время, перед ними действительно находятся истинные правители, наделённые властью над подданными, либо олимпийские небожители, вершащие судьбы смертных. Создавалась иллюзия, что здесь, на широкой сцене, наблюдается лишь малая часть некоего гигантского, колоссального оперного мира, в котором каждая радость или боль выражается в пении, исходящем из глубины души, сопровождая любое действие, будь то удар меча или клятва в вечной любви. Казалось, что в то самое время, пока король, здесь и сейчас, поёт со сцены о чём-то своём, где-то там ещё, далеко за пределами кулис, жители его царства поют, занимаясь другими делами: слуги, горничные, солдаты, простолюдины и знать – все те, кто не попал в поле зрения во время оперного спектакля. И в то время, когда один герой участвует в одних делах и событиях, – жизнь не стоит на месте и что-то не менее загадочное и яркое происходит где-нибудь ещё с кем-нибудь другим.

Окружающие с трудом могли это объяснить, но, казалось, все – будь то актёры, начинавшие лучше играть, подтягиваясь в меру своих сил до его уровня исполнения, или обычные зрители, терявшие понимание условности происходящего и начинавшие воспринимать себя не пассивными созерцателями спектакля, но живыми участниками разворачивавшейся истории – получали от него часть той яркой необычной силы, которая просто била из него ключом подобно то-

му, как магнит, не утратив и капли своей силы, способен передать свои свойства длительное время контактировавшему с ним металлу. Или лучина, способная зажечь огонь во многих светильниках.

Жестокий человек с чёрным сердцем, не ставшим и на каплю светлее от своей эстетической тяги к прекрасному, он исполнял только главные партии, играя роли благородных и мужественных персонажей, преисполнявших зрителя чувствами глубокого уважения, сопереживания и симпатии.

Ведущий себя самоуверенно и развязно, как будто бы всё вокруг принадлежит лишь ему одному и сам он – непогрешим и прав всегда и во всём, а прочие всегда ему чем-то обязаны, он совершал всё, чего только пожелает его самовлюблённая избалованная натура, живя текущим мгновением без мыслей о будущем, и не считался с возможными последствиями. Ведь, в самом деле, как можно запретить «свободному человеку» поступать сообразно своим убеждениям!

Опускаясь до мелких пакостей, он не терпел тех людей, которым почтенная публика заслуженно рукоплескала помимо него, и тех, кто просто казался в чём-либо превосходящим его самого, стремясь отравить им жизнь любыми доступными ему средствами. Люди, знавшие его не понаслышке, уважали и признавали выдающиеся вокально-сценические способности и неповторимую мужскую харизму молодого, но уже состоявшегося оперного певца. Однако любой

из них, кто хоть немного разобрался к своим годам в жизни, старался держаться от него на некотором расстоянии. Поэтому круг близкого общения в основном составляли либо наивные простаки, попадавшиеся на крючок обаятельного подлеца, становясь очередной марионеткой для достижения низменных целей, либо другие мерзавцы, близкие гнусной натуре по духу.

Впрочем, сравниться с ним в коварстве, предательстве, интригах и вероломстве могли лишь немногие. Будучи малым, но испорченным не по годам ребёнком, привыкшим без промедления получать всё, что ему хотелось, в ту же минуту, когда ему это хотелось, он уже начал совершать свои первые шаги на пути злодейства, испытывая особенное удовольствие от безнаказанной подлости ради самой безнаказанной подлости. При этом он обожал совершить какую-нибудь подлость так, чтобы это не только сошло с рук ему самому, но было поставлено в вину другому человеку. Так, например, он мог разбить посуду и назвать виноватым старого седого слугу, прослужившего полвека в этом имении верой и правдой, оставив бедолагу на улице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.